

держитъ еще много другихъ интересныхъ апокрифовъ, которые будутъ обнаружены въ слѣдующей книгѣ «Ж. і Сл.»; изданный текстъ сказанія снабженъ объясненіями и краткимъ изслѣдованіемъ г. Франка. Можетъ быть, для него не безынтересно будетъ узнать, что слово «дельва», которое онъ считаетъ болгарскимъ (въ связи съ этимъ онъ готовъ даже построить извѣстную гипотезу), есть чисто-арабское и употребляется также въ другихъ мусульманскихъ языкахъ. — Рубрика «*Из народніх уст*» — содержитъ нѣсколько интересныхъ малорусскихъ пѣсенъ и, что важнѣе, народныхъ легендъ: «Про початок і кінець свѣту» и «Відки (откуда) взялася жаба». Въ интересахъ фонетики весь народный матеріалъ записанъ и напечатанъ сербскимъ правописаніемъ, приспособленнымъ къ малорусскому языку. Ив. Франко, давая комментаріи къ этимъ преданіямъ, ссылается на рѣдную книжку Почаевскаго изданія: «Васни талмудовы отъ самихъ жидовъ узаннныя» и общаетъ подробно описать эту книжечку, какъ вовсе еще неизвѣстную. Мы можемъ сказать, что въ Румянцевскомъ музеѣ названная книга находится еще съ 1872 года (см. «Отчетъ Моск. Публ. Муз. за 1870—72 г., стр. 60»). — Отдѣлъ «*Сучасні діячі* (современ. дѣятели) *словањської науки і літератури*» содержитъ на первый разъ біографію М. П. Драгоманова (съ портретомъ). Въ ближайшихъ книгахъ журнала будутъ помѣщены біографіи и портреты Тихонравова, Водянского, Буслаева и др. — Переходимъ, наконецъ, къ послѣдней рубрикѣ: «*Критика і бібліографія*». Здѣсь помѣщенъ отзывъ г. Драгоманова о нѣкоторыхъ научныхъ работахъ проф. Сумцова, а также обзоръ «*Wisły*» за всѣ года, съ указаніемъ того, что имѣетъ наиболѣе значенія для этнографіи малорусской. Подобный обзоръ будетъ сдѣланъ и по отношенію къ другимъ этнографическимъ журналамъ, славянскимъ и неславянскимъ.

Какъ видимъ, новый журналъ аттестуетъ себя первой книгой очень хорошо: просто отрадно остановиться на этомъ симпатичномъ изданіи послѣ той массы слабыхъ, безцвѣтныхъ или тенденціозныхъ элукубрацій, какія являла намъ галицкая наука сплошь да рядомъ (за извѣстными, конечно, исключеніями). Надѣяться нужно, что слѣдующія книги «Житя і Слова» не уступятъ первой: имя редактора, И. Франка человѣка талантливаго, дѣятельнаго и вдобавокъ не только ученаго, но и всесторонне образованнаго, служить тому ручательствомъ.

А. Крымскій.

Словарь російсько-український. Том перший. А. — К. Зібрани і впорядкували М. Уманець і Спілка. Додаток до «Зорі» 1893 року. Львів. 1893. Стр. XII + 327.

До настоящаго времени мы имѣли только одинъ русско-малорусскій словарь: «Опытъ русско-украинскаго словаря» М. Левченко (Кіевъ 1874). — Словарчикъ крохотный и совершенно ненаучный. Къ началу нынѣшняго года вышелъ въ свѣтъ первый томъ новаго словаря, составленнаго г. Уманцемъ при участіи многочисленныхъ сотрудниковъ. Этотъ трудъ также не можетъ быть названъ вполне удовлетворительнымъ, но во всякомъ случаѣ онъ ужъ имѣетъ громадное значеніе для малорусской филологіи. Въ

основу словаря г. Уманца легъ лексическій матеріалъ, который, въ началѣ 80-хъ годовъ, находился въ распоряженіи одного кievскаго филологическаго кружка и собранъ былъ въ теченіи 20 лѣтъ сельскими учителями, священниками, специалистами-этнографами и др., непосредственно изъ устъ народа, въ разныхъ мѣстахъ Украины, Галичины, Буковины и Угорской Руси. Матеріалъ былъ обильный и снабженъ былъ примѣрами. Предназначалось все это, собственно, для словаря малорусско-русскаго, но г. Уманецъ употребилъ этотъ матеріалъ для составленія русско-малорусскаго словаря, причемъ не успѣлъ тогда же обозначить мѣстность, гдѣ каждое слово было записано, равно какъ не успѣлъ переписать тѣ фразы, въ которыхъ данное слово попадаетъ и которыя позволяютъ судить о правильности его истолкованія. Между тѣмъ лексическій матеріалъ, которымъ располагалъ кружокъ, куда-то исчезъ, и г. Уманцу пришлось снабжать свой словарь примѣрами, извлеченными изъ другихъ уже источниковъ: печатныхъ сборниковъ малорусской народной словесности, сочиненій малорусскихъ писателей, «Малоруско-нѣмецкаго словаря» Желеховскаго, малорусскаго словаря Шейковского, Манжуры и др., и, наконецъ, изъ новѣйшихъ, неизданныхъ лексическихъ матеріаловъ, которые для него нарочно собирались лицами, сочувствующими задуманному дѣлу. Пополнивши свой словарь необходимѣйшими ссылками и примѣрами, составитель придалъ ему болѣе научный характеръ, а новыми матеріалами успѣлъ его расширить до такой степени, что почти ни одно изъ русскихъ словъ, помѣщенныхъ въ словарь Академическомъ и въ «Толковомъ словарѣ» Даля, не осталось безъ малорусскаго перевода. Но нѣкоторые люки какъ были, такъ и остались незакрытыми, и мы нерѣдко, встрѣчая тотъ или другой переводъ великорусскаго слова, не можемъ провѣрить, на чемъ онъ основанъ. Такимъ образомъ, словарь г. Уманца, имѣя первостепенное значеніе для практическихъ цѣлей (напр., для развитія малорусской переводческой литературы), научнымъ требованіямъ удовлетворять не выполнѣ.

Скромную оцѣнку своему труду призналъ самъ составитель, избравшій своимъ девизомъ малорусскую поговорку: «хочъ и щербатый кившъ, а безъ його ще гиршъ». Въ утѣшеніе г. составителю мы можемъ сказать, что его «кившъ» вовсе не такъ «щербатъ», какъ онъ предполагаетъ. Прежде всего, словарь г. Уманца можетъ служить уже твердой основой для дальнѣйшихъ трудовъ по малорусской лексикографіи, — основой, которой до сихъ поръ не было. Далѣе, словарь этотъ заключаетъ въ себѣ массу матеріала совершенно новаго и притомъ очень интереснаго. Для этнографа могутъ имѣть значеніе чисто-народныя малорусскія названія растеній и животныхъ, сгруппированныя въ словарь г. Уманца изъ разнообразныхъ источниковъ. Очень интересны техническія названія ремеселъ, промысловъ, инструментовъ и разныхъ частей ихъ и т. п. Для образца приведемъ слово «верстакъ», обработанное однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ — В. Чайченкомъ: *Верстакъ* — *верстать*, *верстакъ*, *верстать*. Части его: 1) *стан*, состоящій изъ четырехъ столовъ и двухъ толстыхъ поперечниковъ, которые называются *кони*, пяти *жертокъ*, двухъ *навоівъ* верхняго и нижняго) и *шайди*; на шайдѣ двѣ *підніжки* съ *байцѣрка*-

ми, гдѣ стоит ткачиха; 2) *колеса* къ верхнему и нижнему навою съ *ухою*, посредством которой задерживается колесо, когда навою наматывается; 3) *ляда*, къ которой ткачиха прикрѣпляетъ (прибиваетъ) нитку а въ ней *блят*—по немъ проходить прижа; 4) двѣ *ривниці*, привязанныя къ нижнему навою ¹⁾.—Очень важно то обстоятельство, что г. Уманецъ отнесся къ своей задачѣ вполне добросовѣстно. Такъ, напр., онъ не поддавался одному, очень несимпатичному теченію, модному теперь среди извѣстной части малорусской интеллигенціи. Въ послѣднее время мы то и дѣло встречаемъ въ малорусскихъ журналахъ странныя статьи, вызванныя желаніемъ—*ярче* отгнать малорусскій языкъ передъ великорусскимъ и воздвигающія, поэтому, гоненіе на массу общепринятыхъ, вполне народныхъ малорусскихъ словъ. Именно: подвергаются проскрипціи тѣ малорусскія слова, которыя а) похожи на великорусскія, и б) имѣютъ для себя синонимы, не встречающіеся въ великорусскомъ языкѣ; эти синонимы провозглашаются «широ-народными» словами, а слова общерусскія—«мскализмами». Стоя въ сторонѣ отъ подобныхъ узкихъ и, вдобавокъ, недобросовѣстныхъ тенденцій, г. Уманецъ объективно внесъ въ словарь всѣ слова, которыя находятся въ обычномъ употребленіи у народа, и это, разумеется, нисколько не помѣшало тому, чтобы лексическое богатство и самостоятельность малорусскаго языка выступили въ словарь г. Уманца въ полномъ блескѣ, несмотря даже на многочисленные пропуски, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Богатство малорусскаго языка, которое безъ словаря бываетъ не такимъ нагляднымъ, просто поражаетъ читателя. Небезынтересно отмѣтить фактъ, что малорусскій языкъ несомнѣнно прогрессируетъ, развивается и приобретаетъ прекрасные термины для выраженія очень отвлеченныхъ понятій; оговоримся, что мы имѣемъ въ виду не тѣ неологизмы, какіе безъ труда создаются интеллигенціей, а тѣ, какіе созданы самимъ народомъ.

Подчеркнувши всѣ достоинства новаго словаря, мы можемъ теперь указать на его слабыя стороны. Важнѣйшимъ недостаткомъ является неполнота. Конечно, неполнота—понятіе относительное: словарь г. Уманца даетъ при каждомъ русскомъ словѣ по нѣсколькимъ малорусскимъ синонимовъ (часто число синонимовъ доходитъ даже до нѣсколькихъ *десятковъ*); а всесторонне можно отмѣтить пробѣлы. Для примѣра сдѣлаемъ бѣглый обзоръ первыхъ трехъ буквъ алфавита—А, Б и В,—причемъ напомнимъ, что въ словахъ на «А» пробѣловъ не можетъ быть много, такъ-какъ и самыхъ-то словъ на «А» въ русскомъ языкѣ очень мало. Итакъ, въ ряду малорусскихъ синонимовъ, какіе собраны составителемъ словаря, мы можемъ сдѣлать дополненія при слѣдующихъ русскихъ значеніяхъ: Абрикосъ—абрикоса (ж. р.). Алаповатый—розляпуватый. Алтей—проскурѣна. Анъ—ба (напр. въ фразѣ:—Ти цього не знаєш.—Ба знаю!) Арапникъ—гарапій (род. пад.—гарапій). Астра—панталимонъ (Кіевск. губ.). Атлетъ—дужинъ. Бар-

¹⁾ Въ подлинникѣ всѣ объясненія сдѣланы по-малорусски. Замѣтимъ, что въ нашихъ цитатахъ мы только приблизительно воспроизводимъ правописаніе Желеховскаго, котораго придерживается г. Уманецъ и которое точнѣе передаетъ особенности малорусской фонетики, чѣмъ кудишевска.

чукъ—паня, паненя Бездомникъ—безхатко. Бездѣлица—нікѣмница (Чер. губ.). Бездѣтная—бездѣткіня (См. Огоновскій: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, стр. 98). Биржа (извоичья)—збіржа. Благотѣрная—жонѡха (Чубинскій: «Труды» и т. д. т. III, стр. 116). Благопріятствовать—добра пріяти комуъ («Кіт. прієе добра дому, а собака не прієе»—пар. примѣта). Близорукій—низькозѡрый, короткозѡрый (Под. губ.). Блудница—пѣпюга (см. «Сердешна Оксана» Квитки, изд. Потебни, стр. 49 et passim). Богохульство—богохульба. Богатѣть—золотити (Марко-Вовчокъ, т. I, стр. 65). Благословить—пошастити («Пошастити тебе Бог сімьею,—ibid. стр. 37). Болтаивый—балакучий. Болтовня—балаканіина, говорінка. Бревно,—беревело (Кіевск. губ.); пѣльга (служашее для подъема, см. Максимовича «Сборникъ украинскихъ пѣсенъ», Кіевъ 1849, ч. I, ст. 22). Бренчаніе—бряк (М. Вовчокъ, т. I, стр. 44). Броня черепокожныхъ—черепок. Бугорокъ—висмичок (Кіевск. г.). Бука—вова (у г. Уманца стоить малоупотребительное «хѡха»). Буторъ—буторинья (см. словарь Ив. Франка, приложенный къ его книгѣ. «В поті чола», Львовъ 1890, стр. 310). Бѣгомъ—вѣтеком (напр.: втеком піти, втеком бігти). Бѣдняжка—безталѣнничка (М. Вовчокъ, т. I, стр. 71). Бѣдовый—мотѡрный. Бѣсовскій—дѣлчий («Нагодила дѣда мати товариша в хаті» —пѣсня). Вдругъ—як стій. Великорослый—рѡславий. Веревка—вѣжки (ин. ч.; у Левченка, впрочемъ, встрѣчается то же слово въ ед. ч.); терминъ этотъ очень употребителенъ, но г. Уманецъ, очевидно, предполагалъ, что «вѣжки» значить только «возжи». Верглыйый—вьюнкій. Верховой—верховій. Вести себя хорошо—шануватись, справуватись добре. Взаперти—г. Уманецъ переводить: «під замкомъ», тогда какъ у Шевченка мы встрѣчаемъ: «Бнягиня взаперті сидить» Вознось—подача (М. Вовчокъ, т. I, стр. 109). Видимая смерть—видюща смерть; г. Уманецъ переводить «видѣма смерть» и цитируетъ пословицу: «видѣма смерть страшна», которая якобы встрѣчается у Квитки; но, насколько мы можемъ вспомнить, Квитка всегда употребляетъ въ этой пословицѣ «видюща», а не «видѣма» (см. Драматическія соч., изд. Кулиша 1862, стр. 69 и «Мертвецький велыкдень» изд. Потебни, стр. 10). Визгунъ—скавлѡ, ср. р. (Кіевск. г.). Вилать—вилѣти (см. Метлинск. «Нар. южно-р. пѣсни» К. 1874, стр. 123, Чуб. «Труды etc.», т. I, стр. 67). Висѣльникъ—вѣшалник. Витязъ—переведено посредствомъ множества подходящихъ словъ, какъ «лицаръ», «козарлюга» и т. п., тогда какъ самое слово «витязъ» часто встрѣчается въ малорусской народной поэзіи: у Голубацкаго («Народн. пѣсни Гал. и Угорск. Руси», т. I, стр. 169) есть даже уменьшительная форма: «витязенько». Вкорень—до накорінку. Внизъ головою—сторчма. Вознаградить, возмѣстити—навернути («Що в недѣлю згуляю, въ будень наверну»). Возня—крутаніина. Вотпитанница—вихованница (Кіевск. г.). Восхищать—поривати. Вплоть—геть («Геть до ранку» —вплоть до утра). Впрочемъ—а в тѣм, зрѣстою. Вровень—впоровень. Всегда—раз-у-раз. Всконечно—неодмінно. Вспотѣть—удушніти («Ух! аж удушнів!»—слышано в Курск. губ.; впрочемъ, м. б. означаетъ: «мнѣ стало душно»). Вспять—на зуспѣт («Коли б річка на зуспѣт потекла» —

Черниг. губ.). Стать втупиць — зумітися (Кіевск. г.; см. также «Чорна рада» Кулиша, ст. 298). Выбросокъ — покидище («Що я вам за покидище!» — Кіевск. г.). Выклянчить — відайкати (характерное слово, происходящее отъ повел. накл. «дай! дай!»). Выростить — відбати («Видбали собі садок» — Кіевск. г.). На вырѣзь (въ выраженіи: «купить арбузъ на вырѣзь») — з надрізом, з нарізом. Высыпаться — висина́тися; для «засыпать» также образуется форма «засинати», которой также не приводитъ г. Уманецъ. Вычурный — мудрый (говоря о неодушевленныхъ предметахъ). Вѣшалка — килѣчок.

Повторяемъ, что мы сдѣлали обзоръ бѣглый; при болѣе внимательномъ просмотрѣ навѣрно нашли бы пропусковъ еще больше, чѣмъ указали. Понимая, какія затрудненія приходилось преодолевать составителю словаря, мы и не можемъ черезчуръ упрекать его. Жаль только, что иногда пропущены имъ именно тѣ малорусскія слова, которыя наиболѣе интересны въ филологическомъ отношеніи.

Русскихъ словъ, совсѣмъ оставленныхъ безъ малорусскаго перевода въ словарѣ Уманца, указать можно очень мало. Сюда относятся, напр.: аблакатъ (мал. «брехунѣць»), архичортъ («перечѣртъ», см. Огоновскаго «Studien», стр. 104), високъ («високъ» — см. М. Бовчокъ, т. I, стр. 75). За то многія изъ русскихъ словъ переведены не точно, а лишь приблизительно, или описательно. Такъ напр., на 1-й страницѣ мы читаемъ: *аббатъ*, *аббатиса* — игумен, игуменія (католическаго монастыря); *августѣйшій* — найяснѣйшій, и т. п. Подобными неточностями словарь г. Уманца изобилуетъ. Для оправданія составителя можно прибавить, что это справедливо преимущественно по отношенію къ такимъ словамъ, которыя и въ русскомъ языкѣ являются барбаризмами, — таково, напр., слово «аббатъ». Кстати, по поводу послѣдняго замѣтимъ, что въ актовомъ малорусскомъ языкѣ прошлыхъ столѣтій попадается форма «опатъ» (целомъ низшій).

Издѣлка переводъ г. Уманца намъ представляется невѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, сомнительнымъ. «Апелляція» онъ переводитъ: «пересудъ». «Пересудъ» по-малорусски значить «предразсудокъ» и «толки-пересуды» (въ послѣднемъ значеніи намъ приходилось встрѣчать это слово только у Квитки); какъ судебный терминъ оно можетъ значить «вторичный разборъ дѣла» (см. Антоновичъ и Драгомановъ: «Историч. пѣсни мал. нар.», т. II, ст. 136). Въ значеніи «подавать апелляцію», «апеллировать» мы встрѣчаемъ у Ефименка «Сборн. малоросс. закл.», М. 1874, стр. 53): «пересудля брати», — ясно, что и «пересудля» (ер. р.) имѣетъ смыслъ не «апелляціи». *Атласъ* — по Уманцу — «едвабъ», «отдѣсъ», «саѣта». Первый изъ этихъ трехъ синонимовъ въ живой рѣчи въ п. вр. совсѣмъ не употребляется и встрѣчается только въ старыхъ пѣсняхъ и думахъ; такъ какъ польское *jedwab* = шелкъ, то и малорусское «едвабъ» должно имѣть то же значеніе. «Балаганъ» — шѣпа. Насколько намъ извѣстно, шѣпой называется въ Малороссіи просто навѣсъ (нѣм. Schoppen). *Бутъ* — г. Уманецъ переводитъ: «грузъ». Подъ словомъ «грузъ» онъ понимаетъ русское «грузъ» (заключая изъ того, что русское «грузъ» у него

переведено также черезъ «груз»). Но русское «буть» вовсе не значитъ «грузъ»: бутомъ называется ломовой камень, въ видѣ кусковъ плитъ, неправильной формы, годный только для кладки фундамента, получается изъ грубыхъ известняковъ слабаго землистаго сложенія (см. «Энцикл. словарь» Брокгауза и Ефрона, т. IX). *Быстрякъ*—по Уманцу=быстръ, быстрина. Обыкновенно «быстрякомъ» называютъ быстрого *человѣка*.—*Жинощина*—жинощина, причемъ ссылка дѣлается на «Записки о Ю. Руси» Кулиша, именно на фразу: «а вона, сказано жинощина, вона йому те й простила». Мы думаемъ (хотя и не беремся утверждать навѣрное), что «жинощина» есть имя собирательное (=жиноцтво, жінва), а не единичное.

Наконецъ, необходимо упомянуть также о нѣкоторыхъ неправильностяхъ морфологическихъ, фонетическихъ и относящихся къ акцентуаціи. По этому предмету надо высказываться съ крайней осторожностью въ виду существованія самыхъ разнообразныхъ малорусскихъ нарѣчій, поднарѣчій, диалектовъ и говоровъ. Все-таки кое-что можно утверждать съ увѣренностью. Г. Уманецъ цитируетъ отрывокъ изъ старой «граматики» (букваря): «Струни мої золоті, заграйте *міні* стиха». Вм. «міні» здѣсь, по разбѣру, слѣдуетъ «*мни*», каковая форма имѣетъ всѣ права гражданства въ западно-малорусскихъ живыхъ говорахъ. — «*Возрожденіе*» г. Уманецъ переводитъ неологизмомъ *відродженія* (собств. польск. *odrodzenie*): правильнѣе было бы или смягченіе «д» въ «дж.» («відродженія», срв. «ходжу»), или смягченіе въ «ж» (срв. «хожу»), или отсутствіе смягченія въ согласной (срв. «ходю», «ходіння»), но не смягченіе въ «жд»; существующія въ живой рѣчи формы: «нарожденіи», «прирожденіи» — нужно разсматривать какъ староцерковныя. Вообще же неологизмъ «відродженія» представляетъ собой слово крайне сомнительнаго достоинства; предложенное Драгомановымъ слово «новонарожденія» во всякомъ случаѣ болѣе подходитъ къ духу языка и само по себѣ вразумительнѣе. — Формы «*добробит*», «*побит*», которыхъ придерживается г. Уманецъ, явные полонизмы (*dobrobyt*, *robyt*): «быть» — по-малорусски «бути», и звукъ «у» никогда не исчезаетъ въ этомъ глаголѣ ни въ одномъ изъ малорусскихъ нарѣчій, за исключеніемъ ополеченнаго говора лемковскаго и подляскаго. Ударныя формы «збѣт (бк)», «здобѣток», «прибѣток» доказываютъ, что и вышеупомянутыя два слова должны имѣть форму: «добробутъ» (Кулишъ такъ и пишетъ; въ устахъ же народа это слово врядъ ли встрѣчается) и «побутъ» (совершенно обычная форма, которую мы лично слышали много разъ). — Вм. «*відай*» («вѣроятно», «знать») г. Уманецъ пишетъ «видай», основывая свое правописаніе неизвѣстно на чемъ, очевидно, на удареніи. Относительно «видай» см. Огоновскаго «*Studien*», стр. 204. — Окончаніе — *арь* («словарь», «хабарь» и т. п.) составитель словаря пишетъ съ Б, дѣлая этимъ уступку этимологическому правописанію: фонетически слѣдовало бы писать — *ар* («словарь», «хабарь», и т. п.). — Сомнительнымъ представляется начертаніе «табличка» (вм. «табличка»), «розгордіашъ» (вм. «розгардіашъ»), «орештувати» (вм. «гарештувати»), «на-безбашъ» (вм. «на-безбачъ»). — Что касается удареній, то извѣстно, что въ этой области наи-

болѣе нужно быть осторожнымъ: ударенія въ малорусскомъ языкѣ чрезвычайно капризны и варьируются даже въ одной и той же мѣстности. Такъ-какъ г. Уманецъ имѣлъ въ виду цѣли не столько научныя, сколько практическія, и желалъ фиксировать ударенія болѣе частыя, то въ этомъ отношеніи онъ избралъ своимъ исходнымъ пунктомъ не какое-нибудь карпатское нарѣчіе (очень важное, по своей архаичности для филологическихъ изслѣдованій, но употребляемое лишь небольшою группою людей),—онъ избралъ то нарѣчіе, которое довольно неопредѣленно называется «украинскимъ». Поэтому, напр., «виносити», «виходити» всегда у него пишутся «вино́сити», «вихо́дити» (въ западно-малорусскихъ нарѣчіяхъ мы слышимъ то же удареніе, что и въ великорусскомъ), «питання» (не «пѣтання») или «пѣтання») и т. п. Въ сущности, упрекать г. Уманца за это нельзя, и во всякомъ случаѣ его поступокъ имѣетъ болѣе оправданій, чѣмъ поступокъ составителя «Rutsenich—deutsches Wörterbuch» — Е. Желеховскаго, который всѣ слова, встрѣчающіяся исключительно въ Малороссіи, передѣлалъ на галицкій ладъ и снабдилъ удареніями въ галицкомъ духѣ. Акцентуаціи, принятой г. Уманцемъ, придерживается по крайней мѣрѣ $\frac{3}{10}$ всей малорусской народности. Сомнѣніе возбуждаютъ только нѣкоторые слова, напр. «яду́ха» (астма) вм. правильнаго «я́духа», «ві́ттаръ» вм. «сві́ттаръ», «чима́лий» вм. «чима́лий», «запа́шний» вм. «запа́шний» (срв. пѣсню: «Ой, наші́ кві́ти запа́нні, Ой наші́ гості́ вчора́нні»), «підбі́гцемъ» вм. «підбі́гцемъ» (см. Квитку въ изданіи Потебни: «Сердешна Оксана», стр. 43, «Перекотыполе», ст. 15), «призна́чити» вм. «призна́чити» (такъ-же слѣдуетъ ставить удареніе на «позна́чити», «зазна́чити», «назна́чити» и т. п.), «ві́лготний», вм. «ві́лготний», «ві́мова» вм. «ві́мова»; на послѣднемъ словѣ не настаиваемъ, какъ на *исключительно*—правильномъ (б. м., г. Уманецъ дѣйствительно гдѣ-нибудь слышалъ удареніе въ «ві́мова» на первомъ слогѣ), но замѣчаемъ, что намъ приходится слышать только «ві́мова». «Затри́мати» и «удержа́ти» въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи имѣютъ удареніе на корнѣ, въ другихъ—на предпослѣднемъ слогѣ. У г. Уманца мы видимъ непоследовательность: онъ пишетъ «удержа́ти» и «затри́мати».

Въ филологическія разъясненія составитель «Словаря» вдается рѣдко, и его филологическія мнѣнія высказываются обыкновенно не прямо, а косвенно, путемъ перевода. Такъ, весеннія пѣсни въ *тсеныхъ* краяъ онъ переводитъ: «гаівки», откуда ясно, что онъ производитъ это слово отъ «гай». Такому объясненію противится параллельно существующая форма: «гаілки», которая заставляла нѣкоторыхъ галицкихъ этнографовъ подозрѣвать первоначальную форму «гаі́лки» (= «гагѣлки»).

Опечатокъ въ словарѣ довольно много, но въ концѣ книги приложенъ ихъ списокъ, не совсѣмъ впрочемъ полный, такъ-какъ, напр., «лопастъ» (вм. «лопасть») въ списокъ не отмѣчено (стр. 71).

Общее заключеніе изъ «Словаря» Уманца можно вынести такое, что это—въ высшей степени цѣнный трудъ, но полный и безусловно удовлетворительный русско-малорусскій словарь еще ждетъ своего составителя. Пока-что—будемъ рады и этому.

А. Крымскій.